

Янь Ци двинулся за Хо Лином и вошёл в кухонную часть. Тут он понял, что в центральной комнате основного дома и располагалась печь, а по обе стороны от неё находились жилые комнаты.

Заметив, как Янь Ци с любопытством оглядывается, Хо Лин пояснил:

— Здесь, за заставой, холода держатся долго, почти полгода топим кан. Зимой, когда еда готова, её можно подать прямо в дом, иначе стоит выйти во двор, и суп мгновенно схватится льдом.

Он позвал Янь Ци следом и завёл его в свою западную комнату, где нащупал фитиль и зажёл масляную лампу. Янь Ци огляделся. Обстановка была простая, но аккуратная. У стены тянулась широкая глиняная лежанка-кан; у изголовья были сложены подушки и одеяла, посередине стоял низкий квадратный столик. В стороне пустовало место с ветхим деревянным шкафчиком, на котором громоздился сундук. В углу белела какая-то крупная вещь. Вглядевшись, Янь Ци спустя время понял, что это были олени рога.

— Это ты добыл оленя? — спросил он.

Какой мужчина не захочет показать свою удаль? Увидев интерес Янь Ци, Хо Лин взял половину рогов одной рукой и с глухим грохотом опустил прямо к его ногам.

— Я не добыл, а нашел, — пояснил Хо Лин. — В эту пору в горах повсюду валяются сброшенные оленями рога. Если тебе по душе, в другой раз свожу, сам увидишь.

Он оставил рога на месте и вышел за едой. А Янь Ци, оставшись один, осторожно присел на корточки: сперва несмело ткнул пальцем в рог, затем осмелился провести по нему ладонью.

У крестьян не могло быть мясного на столе каждый день. Вчера угощались мясом, так что сегодняшняя ужин был скромнее: горшок пшённой каши из сорго, блюдо тушёной капусты с тофу да несколько кукурузных пампушек у краю печи.

Хо Лин внёс всё это в комнату, расставил на столике и первым делом подал Янь Ци чашку горячей каши. Тепло от керамической чаши прожгло ладони, Янь Ци поднёс её ближе к лицу и сделал маленький глоток. Он сразу ощутил, как тепло расходится по телу, окутывает его мягкой волной. Вдруг к горлу подкатило, в носу защипало, и капля слезы, не послушавшись хозяина, упала прямо в кашу. Он поспешно опустил чашку и тыльной стороной ладони торопливо вытер глаза.

Он не был склонен к слезам, даже дома редко плакал, а теперь, сам не понимая почему, расплакался так некстати. Стало так стыдно, что хотелось только, чтобы это мгновение скорее прошло.

Хо Лин заметил всё и тоже замер с палочками в руке, не зная, как найти слова утешения. Он никогда не имел дела с такой хрупкой, тонкой заботой. Подумав немного, он вспомнил, что племянницу Ин-цзы в минуты плача и капризов всегда удавалось утихомирить чем-нибудь вкусным, и потому снова прошёл на кухню, где порылся в глиняных горшках и достал солёное утиное яйцо. Вернувшись, он лёгким ударом расколот скорлупу о край стола, ткнул палочками в углублении скорлупы и выпустил наружу густое золотистое масло.

— Старшая невестка лучше всего умеет солить утиные яйца, с кашей самое то, попробуй, — сказал он.

Резким движением он отделил желток и переложил его целиком в чашку Янь Ци, а сам откусил кусок оставшегося белка. Ведь каждый знает, что в солёном яйце самое ценное это желток: плотный и ароматный, сытный и маслянистый, тогда как белок, если есть его просто так, лишь солёный да сухой, совсем не вкусен.

Приступившая было горечь в груди длилась лишь миг, Янь Ци подавил её, втянул носом воздух и, пока желток не успел осесть на дно, вернул половину обратно Хо Лину.

— Ты тоже ешь.

Хо Лин ел быстро, большими кусками, и, заметив его движение, поспешно подставил половинку булочки, принимая желток, при этом пробурчал:

— Одно солёное яйцо, что ж его ещё делить-то.

И всё же эти несколько кусков булочки показались ему куда вкуснее обычного. Вспомнив, как за столом брат и невестка то и дело подкладывали друг другу еду, он подумал, что вскоре и у него в горах будет возможность делать то же самое.

В это время вернулся Хо Фэн и столкнулся с Янь Ци. Тот поспешно поднялся и окликнул его:

— Старший брат.

Для Хо Фэна же главное было одно: раз уж младший брат выбрал и согласился жениться — значит, благодарить Небо, что дело состоялось. Теперь Янь Ци вошёл в дом как свой, и потому он тепло сказал, чтобы тот не держался слишком скромно:

— Наш второй упрям по натуре, так что тебе придётся терпеть. Если он обидит тебя, не стесняйся, иди прямо к нам с невесткой, мы ему быстро вправим мозги.

У Янь Ци не было за спиной родных, кто мог бы постоять за него, и потому особенно важно было, чтобы в доме мужа проявили такую заботу.

Вскоре вернулась Е Супин и принесла новой невестке только что выкроенное полотенце и комплект своей старой одежды.

— Я уже велела твоему старшему брату согреть воды, — сказала она. — Сейчас наберёте и оботрёшься как следует. Волосы пока не мой, не то простынешь; дождёмся, пока завтра солнце выйдет. Когда закончишь, одежду эту старую выбросим, а на ночь надень мою — всё же она тебе будет по размеру. В своём доме стесняться нечего.

Она, как женщина, мыслила тонко и предусмотрительно, а Хо Лин лишь теперь, с запозданием, осознал: раз в доме прибавился человек, то и хлопот становится немало. Дождёвая последнюю краюшку булочки, он сказал:

— Думаю, завтра поеду на рынок, куплю ему готовую одежду и заодно несколько отрезков ткани.

Е Супин одобритительно кивнула. Не стала замечать, что это обернётся лишними расходами: всё-таки женился младший, и тратить тоже предстояло ему самому, а ей, как старшей невестке, не годилось вмешиваться.

— Так будет лучше всего, — отозвалась она. — Одна новая пара одежды на каждый день и ещё одна сменная, и хватит.

Затем она указала на старый жилет, подшитый мехом, что лежал среди сложенных вещей:

— Этот я раньше носила. Думала разобрать его и перекроить под Ин-цзы, но пока отдам его тебе — надевай внутрь, очень тепло. К будущей зиме сошьём новый.

Вслед за тем она поинтересовалась, умеет ли Янь Ци кроить и шить. Тот тихо ответил, что умеет.

Е Супин улыбнулась шире:

— Ну вот, теперь у меня есть своя сноха. Значит, будем вместе за шитьём сидеть.

Она хотела было добавить, что с появлением в доме ещё одного гера потребуется не только одежда, но и разные мелкие вещи, однако при посторонних говорить лишнее не стала, боялась, что Янь Ци почувствует неловкость. Тот и без того был молчалив, после всего пережитого сердце его потяжелело; Е Супин решила завтра, перед тем как Хо Лин уйдёт по делам, отдельно напомнить ему обо всём нужном.

После ужина Хо Лин хотел сам прибрать, но Янь Ци настоял, и он уступил, рассудив, что работа лёгкая. Так и занялись вдвоём: один тёр котёл, другой мыл чашки, и всё выходило удивительно слаженно.

В большом котле закипела вода; Хо Лин отлил две полные бадьи, остудив кипяток.

— Ты пока умойся, — сказал он. — Закончишь, позови, сам вынесу. Полные ведра тяжёлые, тебе их не поднять.

Дверь за ним закрылась. Янь Ци понял, что час уже поздний, и чтобы не задерживать домочадцев, быстро и бесшумно снял с себя грязную одежду.

Эта одежда была сшита его матерью, каждая строчка в ней была проложена её рукой. Хоть она и истлела, местами в заплатках, он не решался выбросить. Аккуратно сложил её стопкой, положил рядом: завтра выстирать, а потом спрятать на дно сундука, как память.

Вода в бадье была тёплой, приятно грела и руки, и сердце. Рядом с ней лежали новое полотняное полотенце и кусок мыльного корня.

Янь Ци присел на корточки, намочил полотенце и стал понемногу оттирать тело. Несколько раз прополоскал её, и прозрачная вода постепенно мутнела. Видя, насколько он грязен, щеки его зарделись от смущения; он стал тереть сильнее, а на спину и вовсе натянул тряпку поперёк, чтобы удобнее было скрести, и потер по несколько раз.

Когда более-менее управился, сменил воду и промылся ещё раз. Тело стало чистым и лёгким, лишь волосы пока нельзя было мыть. Он заново перевязал их лентой и подумал: надо будет спросить у Хо Лина, нет ли обрезка ткани, чтобы на ночь обернуть голову и не испачкать подушки.

Выплеснуть воду он хотел сам, не тревожа Хо Лина. Раньше дома он так же помогал по хозяйству и силу имел. Но сейчас сил осталось мало: доверху наполненный деревянный таз оказался неподъёмным. С трудом сдвинул его совсем чуть-чуть и понял, что без помощи не обойтись. Пришлось, смутившись, позвать Хо Лина.

А снаружи...

Хо Лин управился с умыванием очень быстро — сполоснул лицо, прополоскал рот, помыл ноги, и на том всё. Чтобы дождаться Янь Ци, он вынес скамью к сараю и там играл со Здоровяком, бросая ему кость, время от времени поглядывая на свет в окнах.

Хо Лин вдруг поймал себя на мысли, что представляет, чем именно сейчас занят в доме гер, и от этой мысли у него вмиг загорелись уши и заалело лицо. Чтобы унять жар, он снова зачерпнул холодной воды и ополоснул лицо.

Кость он бросил Здоровяку уже десятки раз, когда в доме, со стороны окна, показалась узкая щёлка. В проём просунулась голова Янь Ци, и он тихо, мягким голосом позвал Хо Лина по имени.

Тяжёлый таз в руках Хо Лина оказался легче пера; только на земляном полу остались мокрые пятна, но они высохнут сами через минуту. Ткань на голову он тоже нашёл — старая, местами протёртая до дыр повязка от пота.

— Чистая, — объяснил он. — Не выбросил, берег.

Кто в деревне не бережлив? Одежду, когда уж не подлежит починке, оставляют на заплаты или пускают на подошвы и подкладки.

— Я потом постираю, — смутившись, ответил Янь Ци. Он отвернулся боком, наклонил голову и аккуратно спрятал волосы под ткань, так, что наружу не выбилося ни единой пряди.

Все дела переделаны, а время было уже позднее. Хо Лин уложил его на внутреннюю сторону постели, сам же, надев мягкие матерчатые туфли, обошёл вокруг и потушил лампу.

В доме остался лишь свет луны, очерчивавший силуэты стола и стульев; в воздухе витал лёгкий запах мыльного корня. Почувствовав напряжение гера, Хо Лин сказал лишь одно слово:

— Спи.

Янь Ци сжал край одеяла, выдохнул и медленно закрыл глаза.

—

На следующий день стояла яркая солнечная погода.

Хо Лин пропустил рынок, что устраивали пятнадцатого числа, но в уезде рынок собирался и в другие дни, пусть не такой людный и шумный, но всё же был.

Горный товар, что он принёс, пока оставался непроданным. Ждать до следующего рынка он не мог: теперь, когда в доме появился гер, у него словно прибавилось сил. В его понимании свадебный пир всё же нужно было устроить, иначе брак не будет считаться по-настоящему законным. Кроме пира, требовалось приобрести многое и для гор, и для дома: всё это обычно готовила сторона жениха после помолвки. Пусть порядок вышел иным, избежать расходов не удастся.

К тому же перед уходом из дома старшая невестка перечислила ему кое-какие вещи, нужные геру в повседневной жизни. Он всё запомнил и собирался, продав горные товары, пройтись по ряду лавок: попадётся что из нужного — купит.

За стенами Поднебесной нынче было спокойно: земли хватало, людей мало, и чтобы насытиться, достаточно было обрабатывать поля. Всё меньше людей шло за добычей в горы:

большинство отправлялось туда лишь в восьмом месяце, когда начинался сезон сбора дикого женьшеня, надеясь на удачу.

Сейчас как раз стояла пора межсезонья, и на большом рынке продавцов горных даров ещё было немного. А в этот день от начала и до конца улицы оказался лишь один Хо Лин. Едва он выставил большие оленьи рога, вокруг сразу сгрудились люди. Но Хо Лин только окинул их взглядом и понял: все пришли просто поглазеть, кошельки доставать никто не собирается. Потому и не стал тратить лишних слов.

Из заплечной корзины он высыпал берёзовую чагу и трутовик с сосны, а ещё несколько грибов-«львиных грив».

Первые два — лекарственные продукты, что встречаются в Байлуншане круглый год: первый растёт на берёзе, второй — рядом с сосной. Сбор этих вещей требует сноровки: чем крупнее кусок, тем дороже ценится. Если отколоть слишком мелко, цену легко собьют.

Впрочем, лечебные свойства у них хорошие, поэтому спрос есть всегда: кто-то покупает понемногу, чтобы заваривать и укреплять тело, а перекупщики-торговцы скупают всё разом. Цена тогда выходит ниже, зато деньги платят сразу, не нужно сидеть на пустом прилавке.

А «львиные гривы» выросли ещё в прошлом году; зимой их хорошо высушил мороз, и лишь до дождей можно собрать остатки. Стоит пролиться первому дождю, и все они размокнут и сгниют, придётся ждать, пока в этом году не вырастут новые.

Хо Лин придвинул к себе большой камень, присел на него и первым делом продал грибы «львиная грива». Сухой товар взвешивался по лян: за них он выручил двадцать вэней — женщина купила, чтобы потушить с курицей для угощения гостей.

Берёзового гриба у него оказалось почти шесть цзиней; нынешняя цена — пятьдесят вэнь за цзинь. Соснового трутовика было чуть больше четырёх цзиней, по тридцать монет за цзинь.

Поскольку сегодня был не большой рынок, а обычный торг, купцов-скупщиков в посёлок не приехало, пришлось продавать врозницу. Только к полудню, когда торговля уже близилась к концу, он сумел всё распродать. Всего в руки попало чуть больше четырёх цзяней медью.

Олений рог оказался куда труднее сбыть. Если бы он пришёл сюда вчера, на большой рынок, его точно купили бы. Разница в один день действительно огромна. Но этот товар не портится, в крайнем случае можно привезти в следующий раз. Он вновь перевязал рога, поднял их на плечо, свернул циновку, на которой раскладывал товар, и поспешил пройти по лавкам, пока прочие ещё не закрылись.

В городке было всё, что угодно, ни в чем не было дефицита. Он зашёл в лавку тканей и увидел, что вдоль стены на жерди висит немало готовой одежды. Готовое платье обходилось дороже, чем купить ткань и сшить самому, поэтому покупателей на такие вещи было немного. Чаще их

вывешивали лишь затем, чтобы показать качество своего товара.

Стоило только Хо Лину спросить о цене готовой одежды, как продавец заметно оживился, боясь, что тот передумает.

— Гляньте-ка, господин, вот эта вещь — ткань крепкая, на долгий срок, — сказал он и, расправив одежду, показал швы. — Наш портной работает безупречно: стежок ровный, концы аккуратно закреплены. Купите и будете носить в течение трех или пяти лет без забот.

Хлопковая одежда из грубого полотна едва ли выдержала бы пять лет носки: после частых стирок ткань всё равно бы истончилась и разлохматилась. Но торговцы любят прибавить на словах, иначе как показать, что их товар лучший? Хо Лин сам знал цену ремеслу и словам, поэтому не воспринял всерьёз, просто перевернул одежду в руках, оглядывая.

Крой одежды для гера ничем не отличался от мужского. Разница была в цвете: мужчины обычно носили чёрное, серое, бурое, а геры более светлые и живые тона, вроде индиго, небесно-зелёного или бледно-голубого. Слишком светлое в деревне брали редко: в работе пачкалось слишком быстро.

На вешалах перед ним висела одежда тёплого древесно-коричневого цвета. Хо Лин прикинул к облику Янь Ци и решил, что такой цвет не слишком подойдёт к его лицу. Поэтому велел заменить на одежду индиго. Затем он подобрал ткань небесно-зелёного оттенка для верхней одежды и взял белую суровую бязь на нижние рубахи — каждой с запасом: из зелёной выйдет один полный комплект, а из белой хватит минимум на два.

— Бери с меня по-людски, — сказал он продавцу. — Дай настоящую цену, а сверху приложи обрезков. Носить-то буду я сам, если вещь окажется хороша, в следующий раз опять приду.

Продавец сделал вид, будто ему тяжело идти на уступки:

— Наш магазин и так приносит лишь небольшую прибыль ... Уступить много я не могу.

После нескольких обменов словами цену на готовую одежду удалось сбить до двухсот вэней, полрулона грубой ткани обошлось в семьдесят, а суровая хлопчатобумажная, хоть и неокрашенная, дёшево стоять не могла — хлопок дорог. После долгих уговоров продавец лишь округлил вниз: вместо ста шестидесяти взял сто пятьдесят. В придачу дали и обрезки разных цветов, целую дюжину, а ещё подарили пару носков.

Таким образом, почти всё, что Хо Лин выручил за полдня торговли, тут же и ушло. Но он ничуть не жалел: прежде деньги шли на дом — купить что-то для брата, для невестки или племянницы, иногда какие-нибудь лакомства. Теперь же он впервые тратил на собственного гера и удержаться было ещё труднее.

Кроме тканей и одежды он на уличных прилавках нашёл зубную щётку из свиной щетины. Вспомнив, что зубной порошок дома уже на исходе, а теперь пользоваться будут вдвоём, он сразу купил и новую коробочку. К этому добавил деревянный гребень, железные ножницы, несколько игл — и толстых, и тонких, а также набор хлопковых и цветных ниток. Убедившись, что всё, о чём напоминала невестка, теперь есть, он аккуратно сложил покупки вместе, завернул в ткань, чтобы не растерять по дороге, и, не сбавляя шага, продолжал окидывать взглядом лавки по обе стороны улицы.

Спустя некоторое время он остановился у одного прилавка. Там сидела женщина, продававшая украшения из красного шнура. В новогодние дни он уже покупал племяннице Хо Ин пару красных лент для волос, украшенных серебряными бусинами, за что брат долго его попрекал, мол, зря тратит деньги.

— Сколько стоит этот браслет? — спросил он, окинув всё взглядом и выбрав тот, где висел персиковый амулет в форме тыквы-горлянки.

Ночью он, по правде сказать, так и не заснул как следует: знал, что и Янь Ци тоже дважды просыпался, дыхание сбивалось, а сам всё норовил глубже забраться под одеяло, словно прячась от кошмара. С давних пор существовало поверье, что персиковое дерево отгоняет страх, а тыква оберегает и хранит мир в доме. Символика была подходящей, такой подарок как нельзя кстати.

Эти безделушки стоили недорого: ценность представляла лишь резьба по дереву. Хо Лин отдал двадцать вэнь и аккуратно спрятал покупку за пазуху.

Напоследок он не забыл заглянуть в лавку сладостей: взял два ляна нарезанной на палочки карамели, а на мясных рядах купил цзинь свинины с прослойкой жира, завернул в листья и отправился домой.

<http://bllate.org/book/13599/1205862>